

«Старый Арбат» — ароматные слова, словно утренний кофе отпусника, проснувшегося рано (без будильника, по привычке, по привычке уработавшейся ломовой клячи), но непосредственно по пробуждении вспомнившего, что спешить некуда, можно понежиться в постельке, а вместо того чтобы второпях давиться растворимой бурдой, пытаюсь очередной дозой кофеина понудить организм к производственной активности,— заварить себе чашечку крепкого тягучего напитка и выпить небольшими медленными глотками. В такие-то вот внезапно неспешные минуты, до слезы ясно осознав, что впереди у тебя двухнедельная вечность, исполненная безмятежной неги, и можно поистине насладиться кофе, постичь умом своим, для чего Господь спустил на землю усеянные небольшими зеленоватыми зернышками ароматные кусты, для чего вразумил людей сушить, обжаривать и молоть эти зернышки.

Что же касается Арбата, то и его прелесть сполна раскрывается тоже утром. Не в лиловых сумерках, пронизанных первыми вспышками неоновых искр центрального гламурного безумия, и не в пору ночной ресторанно-таксистской свистопляски, и, само собой, не днем, когда нескончаемая толпа, достигнув верхнего экстремума в своем бесконтрольном размножении, сродственном размножению раковых клеток, начинает пухнуть, подниматься, как дрожжевое тесто, затапливать все пространство узкой улицы по вторые-третьи этажи домов... Нет, утром, утречком, в конце лета. Не самым даже ранним утром, когда уже вовсю трудится районное отделение банка сбережений, тогда как расположившиеся по соседству магазинчики, сами названия которых есть антоним бережливости, только лишь позевывают дверными проемами, нехотя раздвигают жестяные веки витринных жалюзи. Именно, утром, когда первые торговцы сувенирами начинают раскладывать на прилавках аляповатые безделушки, ожидая интуристов, ошалевших от московского широкого разгула и потому нежадных; когда уличные художники еще не успели повсюду расставить и развесить свои картинки — хитрые силки на несостоявшихся Джоконд из провинции.

Утром, когда патентованная метла дворника-таджика уже взвихрила с мостовых предписанное управдомом количество пыли, которая теперь стоит в воздухе, подрагивает в розовато-золотистых солнечных лучах, помогая высветить, подчеркнуть столичные объемы да средневековую кривоколенность окрестных кварталов. Конечно же, утром, когда интеллигентски рефлексирующую арбатскую тишину бесцеремонно загоняет в подъезды визгливый, чудно интонированный диалог (впрочем, не так странен пронзительно громкий разговор, как его участники: непостижимым образом явившаяся из диких степей в центр мегаполиса скифская каменная баба с плоским круглым ликом — но, разумеется, живая, наживейшая, поминутно поправляющая на грубо вытесанных грудях и ягодицах фанерные листы с меню ближайшего ресторана — и раздающий рекламные листовки негр). Итак, говорю я вам, утром, когда лениво разбредаются по своим рабочим местам на панели странные персонажи, словно бы явившиеся из отлетающих в небеса тревожно-томительных снов горожан: позевывающие зазывалы в костюмах а-ля рюсс, потрепанные бутафорские пираты, церемониймейстеры в камзолах и сбившихся набок париках, склонные к педофилии гигантские поролоновые куклы... Словом, в тот час, когда Арбат находится в руках своих профессиональных хранителей, а празднотворной публики пока, к всеобщей радости, мало.

Лишь краткой утренней порой можно причаститься ко вкусу песенно-текучей асфальтовой реки и ее многочисленных притоков: увидеть новыми глазами знакомые еще по школьным хрестоматиям здания; в очередной раз придирчиво оглядеть изваяния-новоделы и новоделы-постройки, чтобы в очередной раз убедиться, насколько болезненно приживаются они на древней почве; в подробностях рассмотреть открыточные фронтоны с пленяющими неброской прелестью башенками, балкончиками, барельефами, розетками... Казалось бы, именно с этой целью — увидеть воспетую бардом улицу — не поддающееся исчислению количество экскурсантов, понукаемых бездушными погонщиками-гидами или неорганизованных, самочинно-залетных, ежедневно ныряет в бесконечную арбатскую толкотню. И что же? Как идущий на нерест лосось, вклинившись между тысячами столь же целеустремленных тушек, столбенеет в неподвижности, не двигаясь и мешая двигаться собратьям, так и запрудившие все видимое городское пространство шленды препятствуют друг другу совершить предписанный путеводителями променад по Арбату.

Прогулка здесь днем есть ритуальное убийство времени. В толпе, то влекущей тебя на стремнину, то затягивающей в водоворот, то прибывающей к берегу у стоячего затона, как ни старайся, смотришь либо себе под ноги, либо в затылок впередиидущего. Тут уж не до видов из рекламных брошюр: невозможно остановиться даже на миг, чтобы пристальнее взглянуться в красоту достопримечательных мест,

ибо людской поток по своему произволу несет тебя — щепку. Редкий смельчак найдет в себе силы противостоять течению, упрямым островком застыть, скажем, неподалеку от «Праги», чтобы вдоволь налюбоваться мидовской высоткой, которая сквозь легонькое марево московской пыли кажется колоссальной сказочной скалой, где в потаенных пещерах обитают маги, вершащие судьбы мира...

А наутро Арбат вновь выглядит милым, чистенько прибранным, необыкновенно просторным, словно детская, на пороге которой замер ее хозяйчик, вернувшийся после долгих каникул, замер на секундожку, чтобы оттенить момент превращения обустроенного заботливыми родителями уютного мирка в фонтанирующий нестройными звуками бедлам.

Пройдитесь в покойный ранний час по почти безлюдной улице! Вы убедитесь, что Арбат по-прежнему перетекает из прошлого в будущее, и на несколько минут сами окажетесь сопричастниками творящегося волшебства. Происходит это так. Сперва к обыденным, ординарным звукам просыпающегося города примешиваются явственные, но долетающие словно бы из другого измерения шумы: то заставит насторожиться возникший из ниоткуда по-военному четкий стук каблуков, то начинает нервировать надоедливое шарканье за спиной, то вдруг напугает надсадное отхаркивание невидимки в двух шагах от вас; едва уловимый стук колес свадебного экипажа Пушкина сливается с тихим перебором гитары Окуджавы и разбитным оркестром, играющим мелодию из «Принцессы Турандот»... А затем к слуховым галлюцинациям добавляются видения: по незримой меже между шумом и тишиной, между хаосом и космосом скользят фантомы миллионов прохожих (им предстоит непременно материализоваться уже через несколько часов), смешиваются с призраками бывших здешних обитателей, которым вовеки не обрести плоти. Неприкаянные тени живших некогда по соседству домовладельцев, литераторов, полярников упорно ищут своих былых пристанищ — и не могут найти: сменены замки, заложены прежние окна, прорублены новые двери...

Вот и в «папанинском» доме вместо парадного, в старое время доступного для немногих избранных, ныне зияет почти не закрывающийся проем — недорогая кафешка ждет гостей: нагулявших аппетит прохожих, привычных к тяжелой пище командировочных, прикормленных постоянных посетителей... Среди них, завсегдатаев забегаловки, выделяется странноватая старуха — не то полоумная пенсионерка, не то одно из привидений, шагнувшее сюда с арбатской мостовой, не то ряженая, вроде профессиональных уличных зазывал...

На первый взгляд — и впрямь комедиантка, переодевшаяся в барахлишко «из подбора», чтобы жестоко разыграть публику. Кто другой надумает влезть в вызывающе колоритные обноски горьковских

босняков из стародавних постановок? Кто еще, кроме язвительной клоунессы, в летнее время обуется в карикатурные войлочные чеботы?

Но стоит несколько минут понаблюдать за старухой, как станет понятно, насколько чуждо ей стремление к эпатажу. Ее собранная из случайных вещей экипировка по-своему продумана. Кофтенку (кажется, серую? или болотного цвета?) и юбку (вроде бы клетчатую? или в полоску?) почти не видно под добротным кардиганом, считавшимся лет тридцать назад супермодным. Сей предмет гардероба, далекий от современных трендов, но прекрасно сохранившийся, носится постоянно и явно напоказ, с тайной целью отвлечь внимание от венчающего наряд и также несменяемого (однако, к сожалению, изрядно траченого молью) головного убора — фантазмагорической шляпки, напоминающей одновременно и рыцарский шлем, и рог единорога...

Если бы кто задумал устроить аллегорический маскарад, эту старуху пригласил бы непременно. И, явившись на костюмированный бал, она была бы безошибочно узнана в первую же минуту. В первую же секунду несколько злорадно-азартных голосов одновременно воскликнули бы: «Я тебя знаю, маска! Ты — Одиночество в старости».

Ну, что ж... Ну, да, одиночество в старости...

А ведь чуть ли не вчера «одиночество» и (тем более!) «старость» казались столь далекими, столь чуждыми понятиями, что разобраться, кроется ли за ними какой-нибудь реальный смысл, помог бы разве лишь словарь. Только вот кто в чудесную весеннюю свою пору готов сменить потрепанный плащ первооткрывателя вселенной на мантию заучки, постигающего мироздание по словарным статьям? Кто променяет трещащий под натиском шторма капитанский мостик на скрипучее кресло книжного червя, дабы отыскать в залистанном глоссарии точное толкование абстрактных существительных? Да нет таких!

Посему все унылые словечки из старперского лексикона до времени мирно полеживают под толстыми обложками пыльных фолиантов, как стальные чушки в снаряжных ящиках. Но настает час, и с мстительным торжеством обрушиваются на голову несведущего человека холодно посвистывающие согласными термины, оглоушивают, контузят.

Знать бы об этом молоденькой учительнице, торопливо пробегающей мимо заставленных книгами стеллажей школьной библиотеки! Знать бы, почувствовать бы опасность... Как бы не так!.. Беспечно потряхивает она локонами, с вызовом постукивает каблучками, гордо подергивает плечиками. В те давние годы она была энергична и чуточку заносчива. Ее окружали сотни юных веселых лиц. Ни старческая дряхлость, ни страх тоскливого молчания наедине с собой тогда не тревожили ее.

Напротив, перед молодым специалистом, сразу по окончании института принятым на работу в одну из лучших столичных школ, от-

крывались блестящие перспективы: она, несомненно, добьется выдающихся успехов на учительском поприще, возможно, даже станет педагогом-новатором; всегда будут рядом творческие, интересные люди, настоящие друзья, с которыми так здорово проводить время в турпоходах по самым красивым местам страны; обязательно сложится чудесная, словно с картинки, семейная жизнь... Зачем же вникать в суть неприятных слов, особенно тех, которые никогда не будут иметь к ней ни малейшего касательства? Зачем излишними копаниями в смыслах сбивать ритм неуклонного поступательного движения вверх, ритм, столь удачно заданный при самом начале карьеры?..

Теперь же только и осталось: одиночество, старость... Теперь старуха не поручится, что в оны дни именно в ее жизни напряженная «рабочая» тишина уроков перемежалась шумными переменами. Теперь кажется, что не она, а кто-то другой душными июньскими вечерами с видом чуть уставшего от пылких откровений, однако все еще благосклонного наставника выслушивал излияния теребящих новенькие аттестаты прожектеров. Теперь ей уже не вспомнить, отчего выступление на очередном педсовете представлялось безмерно важным, чуть ли не определяющим в судьбе; с какой стати колкое замечание коллеге делало героем дня; с чего вдруг предъявление завучу вполне умеренных претензий по организации учебного процесса обретало в глазах окружающих черты сознательного диссидентства. Теперь уже невозможно объяснить себе, почему дочь, зачатая вне брака, некоторое время добросовестно, но безуспешно пытавшаяся называть папой едва знакомого мужчину, в итоге так и выросла в неполной семье? Когда и каким образом эта забавная девчушка успела превратиться в дородную тетку с дурным злым глазом? Как это так получилось, что даже с ней, пусть не самым симпатичным, зато единственным родным человеком, старуха за последние пять или шесть лет не обмолвилась ни словечком?

Теперь случайные люди в арбатском кафе стали ее семейным кругом... Нет, скорее, классом, которым она по привычке пытается руководить. И вот, если кто-нибудь из посетителей вдруг начинает кричать в телефонную трубку или в разговоре переходит на повышенные тона, самозваная классная дама, с годами не утратившая железную хватку блюстителя школьных уложений, немедленно вскидывается на смутьяна. «Давай-давай!» — провокационно подначивает она распоясавшегося подопечного, и первые же звуки ее хорошо поставленного, хотя чуточку надтреснутого, голоса убеждают: перед нами опытный специалист (так первые аккорды сонаты свидетельствуют о мастерстве композитора).

Эх, если бы за столиками собралась публика, способная (пусть и не в полной мере) оценить виртуозность дидактических пассажей! Знатки насладились бы симфонической соразмерностью строгости и сар-

казма, вложенных в прозвучавшие слова. Ценители воздали бы должное маэстро, тысячекратными повторениями одних и тех же сольфеджио добившейся удивительной интонационной выразительности буквально каждого звука. Доки по части тонкостей школьной жизни догадались бы, что за годы непрерывного педагогического стажа исполнительница достигла такой мощи воздействия на слушателей, что могла одной-единственной фразой обескуражить самого опасного хулигана в районе. Однако в шумливой столовке никому нет дела до талантов какой-то посторонней бабки, даже тем, к кому она непосредственно обращается. И уж, конечно, никто не соглашается играть роль провинившегося школяра, а потому вместо благоговейного уважения старуха встречает в лучшем случае безразличие...

Но, несмотря на явное пренебрежение окружающих, отставная училка продолжает наседать на расшумевшегося гостя. Самоуважение профессионала обязывает ее достойно завершить начатое, а профессионал не может не знать основополагающего правила чтения нотаций: развитие темы не менее важно, чем гармония и тональность. Поэтому старуха, не теряя темпа, переходит ко второй части назидательной импровизации. «Давай, громче давай! А то на улице тебя не слышат!» — настойчиво теревит она возмутителя спокойствия, который, не прекращая беседы, раздраженно машет рукой на зануду, отворачивается, скорчив страдальческую мину, невольно начинает говорить спокойнее, тише. Прекословщице же только того и надо! Губы ее чуть вздрагивают, кривятся, опускаясь уголками вниз — это старая сдерживает улыбку. Она вновь добилась своего, хотя и отмахивались от нее как от назойливой мухи! И, уже отходя прочь, торжествующая победительница, желая, чтобы последнее слово даже формально осталось за ней, бросает побежденному: «А то давай еще громче. Внизу тебя тоже не слышат!»

Впрочем, «внизу», в подвальном помещении кафе, сейчас некому прислушиваться даже к самым громким разговорам. Там, в закрытом по утреннему времени пивном зале, пока пусто. Лишь через несколько часов начнут собираться любители пенного напитка, раздражая и одновременно ввергая в соблазн абсолютное большинство «верхних» едоков, у которых нет ни времени, ни возможности предаться обстоятельному алкогольному гедонизму: успеть бы насытиться, пока не закончился короткий перерыв на службе. Эти праведники поневоле, тоскливо-завистливым взглядом проводив решительно направляющихся в хмельную преисподнюю счастливых, с напускным равнодушием отводят глаза, с еще большим остервенением пускают в ход механические молотилки челюстей, заглатывая огромные, не прожеванные как следует куски.

Начиная с обеда, только успевай делать замечания! Старуха разворачивает воспитательную работу со всем энтузиазмом бодрящегося

вопреки возрасту ветерана. Жаль, нет уже прежних сил: спустя краткий срок накатывает непреодолимая (хотя и приятная!) усталость, которую, надо полагать, испытывает честно отстоявший смену сознательный пролетарий. Стало быть, пора возвращаться в пыльную свою комнатенку. Зато потом весь вечер, проходящий в бестолковой суете с чайником вокруг телевизора, и позже, ворочаясь на узком жестковатом матрасике, с удовлетворением вспоминает старуха недоуменное лицо какого-нибудь выпивохи, имевшего несчастье у нее на глазах расслабленной походочкой подняться из гамбринусова подполья и нетвердыми шагами направиться к выходу. Сколько же гневных инвектив обрушилось на его голову! С какой интенсивностью изливался на него праведный гнев! Бедолаге оставалось одно — быстренько ретироваться, даже не пытаясь огрызнуться в ответ на внезапные нападки, затеряться в кишаших народом переулках, раствориться в исподволь густеющих сумерках.

Хотя на Арбате приходится быть бдительной в любое время суток. Не единожды на глазах самоотверженной воспитательницы разыгрывалась весьма огорчительная и утомительно однообразная сцена: в неурочный ранний час не протрезвевший после вчерашнего клиент вламывается в кафе, начинает требовать пива, сетовать, что ему-де не дают как следует отдохнуть. Подобных наглых пришельцев терпеть никак невозможно! Старуха с горячностью одного из лучших бойцов комсомольского оперотряда немедленно встает на защиту установленных правил, клеймит позором и выдворяет дебошира. Законность торжествует! Надолго ли?..

Ах, если бы только пьяницы вели себя в общественных местах неподобающим образом! Существуют еще бездомные — особая категория нарушителей. Вот кто цинично, нагло игнорирует любые этические нормы. Вот на кого не найти управу! Отставная шкрабина испытывает к окрестным бомжам и бомжихам почти классовую ненависть: заделались, понимаешь, какой-то новой арбатской знатью! Пробуждаются, когда солнце чуть ли не в зените, и вот лезут из смрадных щелей на свет божий, вот уродуют лицо столицы! Эткими барами фланируют по центру, точно обозревая, все ли благополучно в их вотчине. Плюс ко всему, как будто подражая празднующемуся городскому дворянству прошлых веков, завели всяческую живность! Один воючий аристократ разгуливает в окружении своры дворняг, другая светская дама с подбитым глазом прижимает к груди котенка... Да еще объясняет сердобольным прохожим, что ему, видите ли, надо свежей рыбки купить, сшибает рублишки на прокорм вшивого вымеска...

Тут иной пожилой человек, всю жизнь самоотверженно работавший на государство, рыбные деликатесы разве во сне увидит, а какие-то антиобщественные элементы... мало того что сами жируют, так еще взялись котят откармливать! Устроились в жизни, ничего не скажешь!

Добро бы шастали по помойкам, не показываясь на глаза честным людям, искали пропитания себе и прирученным ублюдкам в мусорных баках, нет — на предприятиях общепита антисанитарию разводят!

Центровые подзаборники, действительно, чувствуют себя вольготно в старухином кафе. Заходят они сюда смело, деловито прохаживаются между столиками, с панибратской развязностью обращаются к самозабвенно жующим гражданам. Любой мало-мальски сочувственный ответ, благосклонный кивок или даже заинтересованный взгляд служат бродяге сигналом к основной фазе обработки клиента: в просительный монолог подпускаются жалобные детские нотки, до того чистые, до того искренние, что отказать несчастному в незначительной сумме просто невозможно. Как бы ни контрастировал с видом немолодого уже, крайне неопрятного приставалы тон вымаливающего игрушку ребенка, примитивный, в общем-то, психологический прием в большинстве случаев оказывается действенным — застигнутый врасплох едок чаще всего раскошелливается. Осторожно, дабы не замарать одежду лоснящимися от жира пальцами, извлекает он из карманных глубин свой лопатник, бегло осматривает содержимое разверстого, будто для потрошения, портмоне и, сдерживая отрыжку, протягивает нищему бумажку или горсть монет.

Психологи-практики с окрестных свалок прекрасно изучили нашу, откровенно сказать, примитивную натуру: набивший брюхо человек подает легче и щедрее... Когда расслабляющее ощущение избыточной сытости разливается по телу, утроба полностью подчиняет нас себе, превращая в бесхарактерных тугодумов. В голове, отяжелевшей от аморфных наплывов полусна, лениво ворочаются банальные, пошлые мыслишки: «Питаться-то всем надо, а я уже утолил голод, признаться, даже переел, так что поделюсь с нищевродом, чтобы тот поскорее свалил отсюда, не портил мне аппетит своим отвратительным обличьем и неприятным запахом...» Побирушка — живое воплощение расхожей сентенции о том, что не стоит зарекаться от суммы — точно рассчитал! Послеобеденный брезгливый гуманизм обязательно заставит сытого мелкой подачкой откупиться от навязчивой демонстрации вида чужой нужды...

В какой все-таки своеобразный клубок сплелись в этом кафе говорящие и слушающие, жующие и пьющие, жарящие и парящие, раз за разом пересчитывающие деньги существа, не то паразитирующие друг на друге, не то поддерживающие удачный симбиоз! Возможно, у кого-нибудь картины подобного сосуществования низших организмов вызывают неприятие, чуть ли не омерзение, но отставленная от места учительница следит за жизнедеятельностью простейших с отстраненностью выдавшего виды натуралиста. Она деловито фиксирует реакцию одноклеточных на погружение в размягчающее волю, парализующее разум пресыщение, отмечает, как они ведут себя под воздей-

ствием выжимающего дешевые слезки заискивающе-лукавого убожества...

Когда в НИИ вечности и вечного покоя будут подводить итоги поставленного над всеми смертными эксперимента, отчет пожилой естествоиспытательницы тоже подошьют к делу. Старуха выступит экспертом по пустым разговорам, скучным грешкам, постыдным глупостям, наивным хитростям и первобытной заурядности. А экспертное заключение готово уже сейчас (осталось только подпись поставить): никто из подопытных не выдержал длительного облучения повседневностью, что обусловило крайнюю степень их несчастья в ходе проведенного исследования.

Из-под набрякших старческих век внимательно следят за каждым из нас помутневшие от времени и горестных впечатлений жизни глаза: и за теми, кто с низкопробными ужимками выклянчивает себе пропитание, и за теми, кто кичится поданным грошиком, забыв, что за столом нельзя прикармливать животных да неимущих — потом не отделаешься. Построже надо с попрошайками, построже...

Старуха, было дело, пыталась прямо объяснить все это неразумным своим подопечным, призывала в помощники администрацию кафе, пылая благородным негодованием, изгоняла бомжей из помещения. И всякий раз после подобного инцидента ее подлавливали на улице решительно настроенные оборванцы мрачного вида, в грубой форме объясняли, что не стоит вести себя так безоглядно спесиво — может плохо кончиться. Несколько вызывавших приступы тошнотворного страха разговоров оказалось достаточно, чтобы чертова перечница прекратила свои выпады, хотя по лицу остававшейся безмолвной свидетельницы продолжающихся безобразий было видно, что примириться с происходящим она так и не смогла.

Однако есть еще одна причина столь жгучей ненависти защитницы универсального порядка к бездомным. Как ни трудно признаться в том себе самой, в глубине души она осознает, что неказистым одеянием да чудаковатым поведением до тождества напоминает побродяжку. Не обидно ли: люди с абсолютно разными судьбами, с полярными взглядами, с несравнимым отношением к миру, с несхожими привычками в конце жизненного пути приходят к одинаковому итогу! Вот чего категорически не может понять и принять старуха. Оттого и злится.

Единственное, что примиряет въедливую пенсионерку с вселенской несправедливостью, — возможность повелевать основной массой посетителей кафе. По крайней мере, воображать, что повелевает. Особенно же приятно командовать иностранными туристами, порой заглядывающими на огонек. Иноземцев старуха моментально берет под свое покровительство, общаясь, правда, исключительно при помощи мимики и жестов, поскольку языков не знает... Да и к чему? Скромные потребности представителей рода человеческого без всяких слов понят-

ны любому и в любой точке планеты. Энергичным жестом направишь забугорников в очередь к раздаче, покажешь, с какой стороны подходить к кассе,— и уже можешь считать себя субъектом международной деятельности, таким дипломатом-любителем.

Впрочем, нечасто зарубежные гости соблазняются стряпней поваров недорогой закуской. Втянут ноздрями любопытных носов доносящийся с кухни чад, поглядят на неубранную посуду на столах — и помашут рукой отрицательно. Тогда старуха смекает: забрели в поисках туалета. Милостиво позволяя приедем приобщиться к достижениям отечественной сантехники, она указывает расположение мест общего пользования с тем величественным видом, с каким, должно быть, некогда государыни-императрицы жаловали чужестранцев русскими титулами. И провожает интуристов столь же царственно, сопровождая легкий наклон головы доброжелательной, хотя все же несколько высокомерной улыбкой: мол, помните наше беспримерное гостеприимство и великое к вам снисхождение... Как ни редки такие минуты, они дарят волнуемую возможность ощутить себя классной дамой в мировом масштабе, а это дорогого стоит.

Но большую часть дня старуха проводит в непрерывном мельтешении, как бы генерируя вокруг себя завихрения суеты. Двери кафе не успели распахнуться, а знакомая всем работникам фигура в неказистой шляпке и неизменном кардигане уже маячит на пороге. Все начинается с покупки чашки чая и долгой оживленной беседы с официантками, которые, не прерывая разговора, играючи убирают посуду, оставшуюся после немногочисленных пока посетителей. Темы для обсуждения у подружек известные: о парнях, о том, как прошло вчерашнее свидание, о девичьих обидах, о сердечных неурядицах... Тут старая учительница имеет непререкаемый авторитет: какими бы запутанными или драматичными не представлялись ситуации, переживаемые неискушенными в любовных делах разносчицами, обязательно придет ей на память аналогичный случай, произошедший с одной из бывших учениц. И за каждой назидательной историей последует проверенный житейским опытом совет, которому молодайки внимают, словно словам оракула.

В ответ на пристальное (даже с легким налетом мистики) внимание девушек консультантка-доброхот старается по-своему отблагодарить их: то подскажет, в каком магазине продукты подешевле, то возжелает передарить выданную на кассе вместе со сдачей дисконтную карту на одну поездку в такси: «Мне-то ехать некуда, а вам пригодится...» Но как бы убедительно старуха ни просвещала товарок относительно выгоды и удобства отлаженной системы скидок, официантки, сдерживая улыбки, упорно отказываются принять столь щедрый подарок — самим девать некуда бесполезные картонные прямоугольнички, сотнями валяющиеся в подсобке.

Так и катится день. Еще несколько раз старуха с чашкой кипятку подходит к кассирше, получая с чеком еще одну скидочную карту, одноразовый пакетик чая (он будет использован дважды!), сахар, конфетку за счет заведения. Весь ее рацион и состоит преимущественно из чая да даровых конфет. Впрочем, она настолько своя здесь, что персонал сквозь пальцы смотрит на то, как из-под знаменитого кардигана извлекается порой на свет божий завернутое в целлофан яблочко... Пусть уж старая поточит зубки, ничего страшного. Не гнать же ее! Предстоит долгий рабочий день, когда может пригодиться каждая пара рук, сколь бы немощны они ни были...

Да, да, в суматошный обеденный час, когда харчевня забита до отказа, когда забегавшиеся официантки перестают справляться с горами громоздящихся повсюду столовых приборов, престарелая активистка тоже берется за дело: то сметет в мусорный бак объедки, оставленные кем-то из посетителей, то соберет на поднос использованные чашки-миски, то отнесет к окну посудомоек несколько тарелок... За чем?..

Старуха понимает, конечно, что слишком слаба и медлительна, что почти незаметен ее вклад в общий трудовой порыв. Да ведь дело не только в желании помочь приятельницам! Беспрестанная, хотя и лишённая практического смысла, хлопотня — это ее пропуск в мир энергичных, занятых, полезных для общества людей, это оправдание ее теперешнего существования. Так пусть же дребезжит на весь зал грязная посуда на подносе, дрожащем в дряблых руках, обсыпанных старческой «гречкой». Пусть звякает на весь дом, на весь Арбат! Пусть грохочет неуверенной морзянкой на всю Москву, пусть разнесет по всему свету послание одной из малых мира сего: «Я есть, я существую!»

Ежедневно отправлять в эфир свой писклявый позывной — потребность, не меньшая, чем потребность в пище и воде. Отними у старухи рожденный суетой звон бытия, и что останется? Лишь горечь былых потерь... Тогда уж лучше лечь да помереть. А помирать ей никак нельзя, ведь, пока есть она, есть и бывшие ученики, и новые знакомцы из кафе, и заповившие Арбат гуляки, и интуристы, и даже бесчинствующие бездомные. Без нее — что же будет со всеми этими людьми? Что произойдет с дешевой, но нужной же для чего-то забегаловкой? Устоит ли сам «папанинский» дом?..

...Двери кафе безостановочно распахиваются и закрываются, впуская алчущих или провожая утоливших голод. За мелькающими створками (словно бы на сеансе оптического театра) видно прерывистое движение оживленной улицы: то пропылит пара сапог, догоняющих метлу, то пролетят куда-то стоптанные кроссовки подросткового размера, то вспыхнут черным бриллиантом безукоризненно чистые штиблеты столичного франта... А иной раз терпеливому наблюдателю вы-

падет случай узреть восхитительное зрелище — легкий ход двух пар обнаженных женских ног.

Две подружки-соперницы плывут по мостовой, что по подиуму, ступают павами две амазонки из таинственного племени Девушек Из Центра... До сих пор остается загадкой, каким образом приживаются и возрастают на нашей суровой почве сии эфемерные существа (вполне вероятно, инопланетного происхождения). Про них, вообще, известно немного... Ну, например, что пешком те куколки практически не передвигаются, поскольку их нижние конечности предназначены природой для иных функций... Если же все-таки возникает необходимость пройти небольшое расстояние, то шествуют они почему-то всегда попарно. Кроме того, путем многолетних наблюдений установлено, что надменные красавицы ведут ночной образ жизни, а куда скрываются и где обитают в дневное время — опять неведомо...

Надо полагать, в ареале центровых девчонок происходит жесточайшая видовая борьба, поскольку они всеми силами стремятся устранить любой намек на собственную индивидуальность, непременно мимикрировать под общий стандарт. Чтобы выжить и оставить потомство приходится действовать грубо, цинично, исходя во всех поступках из двух основных постулатов, простых, зато накрепко засевших в модно причесанных головках: украшать мир — наша миссия на Земле; наша свирепая, доходящая до едкой мелочности меркантильность — производная от нашей миссии, неизбежный и объяснимый побочный эффект.

Знаменосицы собственной непреложной правоты, прелестницы мерно чеканят шаг по старинной мостовой, словно бы на параде в честь окончательного торжества обезличенной красоты, которая, вопреки предположениям классиков русской литературы, оказалась абсолютно индифферентна к морали. Идут, словно пишут, упиваясь властью над царством мужчин, и при каждом шаге профессиональной чаровницы общепринятые представления о границах приличий причудливо смещаются, игриво колеблются вместе с подолами коротеньких юбочек.

И не оторвать глаз от матового сияния молодой кожи голых ног, открытых любопытно-бесстыжим взорам до самых нежных, самых сокровенных изгибов и оттого кажущихся еще длиннее! Ножки записных красоток (это даже на взгляд можно определить) упруги и чуть прохладны. Похожи на косые лучи августовского солнца, еще способного на томную страсть, однако утратившего былой испепеляющий задор и легкомысленно сдающего победительнице-осени. Хотя от нее-то, как подсказывает вдруг пробившийся родничком холодок в сердце, милости ждать не приходится: деспотичная владычица уже примеряет свой златотканый багряный халат — торжественное обла-

чение для дней чудовищных казней, когда падут миллионы и миллионы безвинных листьев.

Ну, что ж... Шагайте, девушки, шагайте... Вы, похоже, уверены, что знаете, куда заведут вас ваши длинные ноги... Вы, верно, полагаете, что античной лепки ножки долговечнее каррарского мрамора... А устойчивее ли власть вашей мимолетной красоты, чем ваш высоченный каблук? А найдется ли в конце вашего пути хотя бы одно местечко, где вам разрешат присесть в кругу собеседников, откуда вас не прогонят, несмотря на то, что вы бестолковы и неприглядны, словно пугало?